

Роль Нила Сорского в спорах его времени: вопрос о ереси

О преподобном Ниле Сорском написано много в исторической литературе. Любимой темой историографии стало противопоставление взглядов Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, иосифлян и нестяжателей по самым важным вопросам русской церковной жизни. «Вопрос о еретиках нужно отнести к одному из главных (наряду с полемикой вокруг монастырского землевладения), разделявших иосифлян и нестяжателей в первой трети XVI века», — пишет современный исследователь [1, 119].

Такая постановка вопроса закономерна, так как начало историографии было положено дерзкими посланиями князя Вассиана Патрикеева, который первый заговорил о противоречиях между преподобным Иосифом Волоцким и Нилом Сорским. Назвав себя учеником Нила Сорского, Вассиан Патрикеев вскоре после его преставления вступил в спор с Иосифом Волоцким и превратил его в острый конфликт, бросив тем самым тень на образ преподобного Нила. Возражения Иосифа Волоцкого на послания князя Вассиана не сохранились. Великий князь Василий III запретил ему говорить и писать против «речей» князя Вассиана, хотя было, «что говорить и писать», по собственному выражению Иосифа Волоцкого [2, 294]. «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских от многих глав» написано после преставления Иосифа Волоцкого, когда уже никто не мог опровергнуть князя Вассиана.

История этой полемики важна потому, что, в сущности, именно со слов Вассиана Патрикеева мы знаем, что говорил преподобный Нил о монастырских имениях, наказаниях еретиков. Тем более что сведения об участии Нила Сорского в церковных Соборах 1490 и 1503 гг. отрывочны, а житие преподобного так и не было составлено.

О Ниле Сорском обыкновенно пишут, включая его в состав различных «партий»: «нестяжателей», «заволжских старцев», отождествляя взгляды этих «партий» со взглядами преподобного Нила [3, 268—388; 4, 25—76]. Но необходимо увидеть, как сам Нил оценивал обстановку в

стране, какие примеры искал в прошлой истории Церкви, близкие к его современности.

Начало ереси «жидовскаа мудрствующих» обычно считают с 1471 г., когда в Новгород в свите князя Михаила Олельковича прибыл жидовин Схария, посеявший еретические плевелы среди новгородского духовенства. Около 1480 г. отсюда еретики проникли в Москву, где получили доступ ко двору великого князя Ивана III и большие возможности влияния на него. Ближайшее окружение наследника русского престола царевича Дмитрия: дьяк Федор Курицын, осуществлявший внешнюю политику Русского государства, многие бояре великого князя, священники главных соборов Кремля — были еретиками. В 1490 г. главой Русской Церкви стал митрополит Зосима, бывший тайным еретиком, «второй Иуда», по выражению Иосифа Волоцкого [5, 31].

Многие историки XIX в. ставили под сомнение антихристианский характер ереси «жидовскаа мудрствующих» (И. Панов, В. Шмакин, А. С. Архангельский и др.). Удивляло, как быстро от пропаганды нескольких еретиков распространилась и прочно укоренилась ересь в православных Новгороде и Москве: «Если учение еретиков было чистое, грубое иудейство, то каким образом оно могло привиться и глубоко пустить свои корни в православно-христианском обществе, и притом первоначально в той среде, интересы которой самым близким образом связаны были с интересами веры и Церкви [2, 3]. Конкретные исследования русских филологов Н. С. Тихонравова, А. И. Соболевского, И. Е. Евсеева, М. И. Сперанского, заметивших бытование иудейской богослужебной литературы в русских рукописях XV—XVI вв., помогают ответить на этот вопрос.

Исследуя состав русских рукописей, ученые пришли «к довольно выразительному выводу, что у нас в старинном переводе с еврейского (до XVI в.) существовал... круг важнейших синагальных праздничных и будничных чтений» [6, 13]. Псалмы, найденные у еретиков, оказались еврейским молитвенником «Махазор». Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Варлаам, оуб-

ликовавший часть этой «Псалтири», заметил: «Ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе» [6, 46]. П. С. Тихонравов сделал вывод, что это «не Псалтирь Давида, а молитвы иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивает иудейская оппозиция (неприязнь) учению о триничности лиц Божества» [7, 228]. Сравнивая «Псалтирь» с молитвенником «Махазор», Н. С. Тихонравов установил их тождество.

В XV в., как свидетельствуют рукописи, по еврейскому тексту было исправлено «Пятикнижие» Моисея, в иудейской (негреческой) традиции переведена книга пророка Даниила [6, 130]. Иудейский перевод «Есфири» появился вообще в конце XIV в. А. И. Соболевский отметил, что этот перевод свидетельствует о «высоком и исключительном уважении переводчика к еврейской истине. В местах христологических пророческих выразительно внесено понимание раввинское» [6, 135]. «Здесь мы имеем, — заключают исследователи, — таким образом, вековую литературную традицию перевода с еврейского» [6, 131–132]. «Шестокрыл» с иудейским летосчислением, «Логика» Моисея Маймонида, астрологические трактаты, атеистические сочинения Раймонда Луллия были широко распространены в русских рукописях XV–XVI вв. [8, 59].

Длительное существование иудейской книжной традиции на Руси объясняет в немалой степени успех пропаганды Схариин и его последователей в Новгороде и Москве. Посеять сомнения, основываясь на якобы канонической книге, было основным способом обратить в ересь. Великолепно этот механизм обращения показан в сочинении инока Зиновия Оттенского, разоблачающем ересь Феодосия Косого.

Некие крылошане пришли к иноку Зиновию спросить, истинно ли учение Феодосия Косого. Сами же они, как видно из их рассказа, склонялись к тому, что оно истинно. «Косой посему истинна учителя сказует, понеже в руку имеет книги и тыя разгибая, комуждо писаная дая, самому прочитати и сея книги рассказывает... А попы и епископы православные — ложные учителя, потому что, когда учат, книг в руках не имеют» [9, 42].

Использование еретиками испорченного перевода библейских книг сеяло сомнение в умах людей в правильности их исповедания христианской веры, тем более что иудейские переводы опережали переводы православной традиции. Только в конце XV в. усилиями архиепископа Геннадия была полностью переведена Библия. Столкнувшись с еретиками, он понял необходимость такой работы и богословского ответа на вопросы, которыми еретики прельщали православных священников. В 1489 г. он пишет архиепископу Ростовскому Иоасафу Оболенскому послание, в котором просит

прислать к нему, если возможно, старцев Нила и Паисия, чтобы поговорить с ними о ересь. Особенно новгородского архиепископа волновал вопрос о близком конце седьмой тысячи лет и почему еретики считают, что они тогда будут надобны. Архиепископ Иоасаф должен был о том «накрепко» поговорить со старцами и написать ответ Геннадию, да «друг другом подкрепляем яко град тверд» [10, 5–6].

На основании того, что ответное послание архиепископа Иоасафа неизвестно, некоторые ученые сделали вывод, что старец Нил не захотел помогать владыке Геннадию и уклонился от обсуждения ереси [11, 748]. Но ведь меньше чем через год старцы Нил и Паисий пришли в Москву для участия в Соборе на еретиков. Очевидно, это и был ответ на просьбу владыки Геннадия.

О Соборе 1490 г. мы знаем из Новгородской IV летописи, «Летописи Татищева», «Поучения» митрополита Зосимы и всего Священного Собора всему православному христианству. Собор 1490 г. — самый важный из трех Соборов на еретиков (1488, 1490, 1504 гг.). Архиепископ Геннадий обнаружил ересь в 1487 г., сообщив о ней великому князю Ивану III и митрополиту Геронтию. В 1488 г. князь и митрополит «обыскали» нескольких еретиков, названных Геннадием, и повелели подвергнуть их «градской казни» (бить кнутом на торгу) за надругательство над святыми иконами. Собор 1488 г. осудил конкретных преступников, но не обличил ересь. Только Собор 1490 г. выявил еретические лжеучения и тем самым назвал ересь. В комментарии к «Поучению» митрополита Зосимы опубликовавший его С. Долгов заключает: «Особую важность имеет указание приговора, что решительно все новгородские еретики почитали ветхозаветную субботу “паче воскресения Христова” и что они не веруют ни воскресению, ни вознесению Христову. Эти особенности вероучения наших еретиков прямо указывают на их отступничество от веры христианской к “обычаю жидовскому”, и отцы Собора правы были, назвав в своем приговоре дела их “жидовскими”, а самих еретиков “сущими прелестниками и отступниками веры Христовой”» [6, 125].

Летопись Татищева рассказывает, что Собор, рассмотрев все вины еретиков, пришел к выводу, что их «сожещи достоин», как и требовал архиепископ Геннадий в послании Собору епископов. Но митрополит Зосима, «яко волк в овечьей одежде», воспротивился этому решению и сказал: «Достойт я (еретиков. — Е. Р.) проклятию предати и сослати в Новгород на покаяние под стражу, зане мы от Бога не поставлены на смерть осуждати, но грешныя обращати к покаянию» [12, 110]. И еретиков «от церкви отлучиша, из сана извергоша и проклятию предаша их» [12, 110].

Владыка Геннадий, узнав о таком решении Собора, ужаснулся. Не зная еще тогда о еретичестве самого митрополита, он сказал: «Некто бысть на соборе согласник сему злу» [12, 110]. Летопись Татищева несколько раз называет этого «согласника-богоотступника и головню содомскую» Зосиму. Но историки ереси, прочитав летопись Татищева, делают почему-то совершенно иной вывод, чем сам летописец: «Голос митрополита не был единоличным, того же взгляда на ересь, хотя по другим мотивам, держались и знаменитые старцы Нил и Паисий, как это доказывает дальнейшая история ереси, и их голос не мог не иметь решительного влияния на мнение большинства членов Собора» [2, 32–33]. Это мнение высказывается И. Пановым и другими историками как аксиома, без доказательств. В XIX в. становится исторической традицией говорить о либеральном отношении Нила Сорского к еретикам и даже далее — о его свободных взглядах на церковные традиции, авторитеты, вероучение и мораль (В. Жмакин, А. Н. Пынин) [11, 748]. А. С. Архангельский писал, что «мнение митрополита на соборе мог поддерживать и Нил Сорский, почему впоследствии Иосиф (Волоцкий. — *Е. Р.*) почти готов был обвинить и самого Нила в ереси» [13, 32–33]. М. С. Боровкова-Майкова считала, что Нил Сорский отличался веротерпимостью и определенно проявил себя в вопросе XV в. о ереси жидовствующих [14, 15]. Это мнение повторили историки XX столетия. Г. П. Федотов в своей книге «Святые Древней Руси» пишет: «По всему своему духовному направлению Нил и Паисий не могли проявить сочувствия к кострам и казням Геннадия. Оба старца присутствовали на Соборе 1490 г., который осудил еретиков, но обошелся с ними довольно мягко» [15, 167].

Тот же взгляд на историю Собора 1490 г. высказывает и А. Ф. Карташев, русский православный богослов и историк: «Так, по инициативе Геннадия на Соборе 1490 г. встал в ясной форме пререкаемый вопрос о казни еретиков. Этому... идеалу костров инквизиции противостояли на Соборе не только интриги двора и друзей ереси, но и безупречные идеалистические фигуры вождей заволжских старцев — преподобного Нила Сорского и игумена Паисия Ярославова» [15, 496].

Очевидно, на исследователей оказала влияние позиция Вассиана Патрикеева в этом вопросе. Именно князь Вассиан повторял и отстаивал в своих «посланиях» и «собораниях» мнение еретика-митрополита Зосимы о прощении еретиков. Но делал это, назвавшись учеником преподобного Нила Сорского.

Мнение о защите еретиков Нилом Сорским, принятое в светской исторической литературе, оспорил Л. С. Лурье. Он справедливо заметил в ста-

тье «К вопросу об идеологии Нила Сорского»: «Так или иначе мы не имеем ни малейшего основания противопоставлять в этом случае Паисия и Нила всем иерархам, участвовавшим в Соборе 1490 г. Ни сочинения Нила Сорского, ни памятники, косвенно связанные с ним, не дают оснований для противопоставлений его взглядов ортодоксальному религиозному мировоззрению» [16, 193]. Более того, Нил Сорский никогда и нигде не высказывался против казней еретиков [17, 125]. И все-таки мнение о известной терпимости преподобного Нила к еретикам продолжает существовать. Ф. фон Лилиенфельд, автор фундаментальной монографии о Ниле Сорском, пишет, что Нилу было свойственно молиться не против еретиков, а за их спасение. «Заволжские старцы (читай: Нил Сорский. — *Е. Р.*) обращали еретиков в свою веру, вместо того чтобы преследовать их и подвергать физическим наказаниям» [8, 59].

Возвращаясь к истории Собора 1490 г., нужно сказать, что он стал только началом борьбы с ересью. В заточение сослали только нескольких новгородских еретиков, московские же оставались в силе и знатности, в том числе и дьяк Федор Курицын — «начальник еретиков», по выражению архиепископа Геннадия. Своими занятиями «тайными науками» он оказывал сильное влияние на великого князя: «Того бо державный во всем послушаше». «Лаодикийское послание» Федора Курицына — самый загадочный источник по истории ереси. Оно обнаруживает занятия каббалой всесильного дьяка. Ф. фон Лилиенфельд, занимавшаяся его расшифровкой, вслед за другими исследователями отмечает, что самым подходящим вариантом толкований понятий «Лаодикийского послания» является то, что они унаследовали каббалистическую традицию [8, 56]. Был жив еще в то время и сам Схария, которого исследователи отождествляют с Захарием Гвизольди, «князем» Тамани [8, 59]. Переписка князя Ивана III и Схарии продолжалась с 1484 по 1500 г. Великий князь постоянно звал Схарию служить в Москву, посылал людей ему навстречу. Астрологическая рукопись Схарии, найденная в Киеве, объясняет, как считают историки, интерес Ивана III к этому человеку [8, 59].

Вскоре после Собора 1490 г. архимандритом Юрьева монастыря был назначен еретик Кассиан. И владыка Геннадий оказался бессилем сместить его. Сам же он в 1503 г. стараниями своих врагов был сведен с Новгородской кафедры.

Только в 1504 г. Иван III решился на новый Собор и казни московских еретиков. Так еще 15 лет после Собора 1490 г. продолжалась напряженная борьба с ересью.

После Собора 1490 г. в нее вступает преподобный Иосиф Волоцкий. Он обличает, повсюду

рассылает свои послания, обращается к епископам. прося у них поддержки и неустанной заботы о своей пастве для обережения от еретиков.

В своем «Сказании о новой ереси новгородских еретиков» преподобный Иосиф Волоцкий пишет, что в эти годы защитники православия претерпевали многие преследования: оковы, тюрьмы, разграбление имущества. Митрополит Зосима отлучал священников и диаконов от сана за осуждение еретиков и отступников. Великий князь ссылали невинных в изгнание. «Другие же не страдали вместе с ними в изгнании, но утешали их письмами и помогали всем необходимым; из святых книг они выбирали обличения против еретических речей и посылали изгнанникам, укрепляя их против еретиков» [5, 31]. Исследователь А. И. Клибанов отметил, что историки ереси явно недооценили это сообщение «Просветителя» [18, 216]. Так, в 90-х годах основным средством борьбы с ересью стало ее богословское обличение и опровержение. Появляются большие сочинения против еретиков: «Просветитель», «Послание инока Саввы к боярину Дмитрию Шенну».

Отдельные записи в рукописных книгах монастырских библиотек говорят о том, что «ересь жидовствующих» чрезвычайно волновала русское общество даже после казней 1504 г. Большой интерес представляет собой «Евангелие от Иоанна с толкованиями Иоанна Златоуста», переписанное монахом Ферапонтова монастыря Пименом [19] в 1513 г. Эту книгу монах Пимен (по прозвищу Черный, впоследствии архиепископ Новгородский и Псковский) дал вкладом в монастырь [17, 125].

На нижних полях листов рукописи он записал свои размышления на евангельские чтения и толкования Иоанна Златоуста. Толкуя Евангелие, Иоанн Златоуст постоянно обличал ереси Ария, Нестория, Аполлинария. Русский книжник применил толкование Златоуста к современной ему действительности. Большинство комментариев монаха Пимена показывают его стремление обличить жидовствующих еретиков: «Зде разумеи о жи жидовской как рекоша яко никтож от князей верова вонь. И се первый от княз Никодим верова вонь... зде разумеи о лукавстве жидов как ропшут на Христа яко разоряюща суботу. А сами паче суботу разоряют обрезанием, обрезают бо ся и в суботу» [8, 59].

Читая одно из толкований Иоанна Златоуста, объясняющее суть древних иудейских праздников, писец рукописи замечает: «Зде ми разумеи о трех праздниках жидовских. Первый Пасха. Второй Пятдесятница. Третий куш потчение. Тем же наши духовныя праздники против их чти себе. И внимаи како празднуеши».

Особое внимание к праздникам, вероятно, вызвано тем, что еретики, как сообщает соборный

приговор 1490 г., почитали именно иудейские праздники и учили этому других [8, 59].

В 90-х годах на Руси сформировалось несколько центров активной борьбы с ересью. По указаниям Новгородского архиепископа Геннадия были сделаны переводы библейских книг, а также переводы с латинского языка полемических сочинений против иудаизма. «Библиотеки Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого монастырей пополнились благодаря усилиям святителя Геннадия творениями Дионисия Ареопагита, Афанасия Александрийского и других» [18, 216]. Другим центром борьбы с ересью стал Волоколамский Успенский монастырь — обитель преподобного Иосифа Волоцкого. О своей работе над «Просветителем» он пишет: «Этой беды ради и я выбрал из Священного Писания и святоотеческих творений некоторые обличения против речей еретиков. И хотя я невежествен и неучен, но и я, по силам моим, должен позаботиться об обличении еретиков» [5, 31].

Об участии же Нила Сорского в общецерковной борьбе с ересью мы как будто ничего не знаем. Все это время преподобный уединенно жил в своем скиту на реке Соре.

Около 1485 г. пришел он на Сору в место «маловходное мирской чадн». Первые келлии были поставлены в лесу по левому берегу реки на удалении друг от друга. Неподалеку от келлии Нила находилась часовня с иконой Богоматери «Одигитрия». На болотистую низину между речками Сорой и Бродью преподобные Нил и Иннокентий (Охлябин) наносили гору земли для построения храма. Четверть века прожил преподобный на Соре. Очевидно, что церковь существовала уже в его годы и посвящение церкви принадлежит ему.

Скитский храм был освящен во имя Сретения Господня. «Святым Сретеньем» именует Нило-Сорскую пустынь грамота великого князя Василия Иоанновича (1515 г.) [20, 131].

«Нельзя угадать, почему он (Нил Сорский. — Е. Р.) избрал храмовым праздником Сретение Господне, а не Успение Богоматери, которому праздновал первый русский скит на Афоне, Ксилургу, где, вероятно, сам обитал», — писал А. Н. Муравьев, автор «Русской Фиваиды на Севере» [21, 246–247]. Вопрос закономерный и важный, и он требует ответа.

Действительно, монастырь Нила Сорского имеет редкое посвящение. В фундаментальном каталоге русских монастырей В. В. Зверинского за XV–XVI вв. указано только два монастыря во имя Сретения Господня: один из них — Нило-Сорский [22, № 1206]. (Существовали еще монастыри во имя Сретения иконы Владимирской Божией Матери, нас же в данном случае интересует посвящение монастырей и храмов в честь двенадцатого праздника Сретения Господня.)

В посвящении монастыря всегда сказывается духовный поиск его основателя. Несомненно, это ключ к его богословию. Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры — выразительное свидетельство о богословии Сергия Радонежского. Житие другого русского святого, Кирилла Белозерского, рассказывает, что сама Богородица указала преподобному место его спасения, когда он читал по обыкновению акафист перед иконой Одигитрии. Свой монастырь, основанный на месте, определенном Богородицей, Кирилл Белозерский посвятил празднику Успения Божией Матери.

Чтобы понять сретенское посвящение Нило-Сорского скита, необходимо обратиться к истории праздника Сретения и его богословию. Праздник Сретения Господня установлен Церковью в воспоминание встречи праведного старца Симеона и младенца Христа, Которого по исполнении 40 дней от Рождества Дева Мария и Иосиф принесли в храм на посвящение Богу.

Торжественное празднование Сретения как двенадцатого праздника было установлено при императоре Юстиниане после трагических событий 541 г. в Константинополе. Тогда в столице Византийской империи распространилось моровое поветрие, в некоторых местах оказалось такое запустение, что некому было погребать мертвых. В Антиохии в это время начались сильные землетрясения. Совершая литургию, погиб во внезапно обрушившемся храме епископ Антиохийский Евфрасий. В разгар бедствий одному благочестивому мужу было видение, в котором повелевалось совершить торжественное празднование Сретения. После совершения всенощного бдения празднику 2 февраля 542 г. мор и землетрясения прекратились. Тогда император Юстиниан предписал ежегодно праздновать Сретение по всей империи. На праздник обычно совершались крестные ходы с пением стихир и канона праздника в воспоминание избавления от моровой язвы и с прошением сохранения от грядущих бед [23, 3—4].

В XV в. в Новгороде словно повторилось константинопольское бедствие 541 г. В 1467 г. в Новгороде свирепствовала моровая язва. У церкви Покрова Зверина монастыря находилась скудельня (огромная братская могила), где погребали умерших. «Сказание о моровом поветрии» говорит, что погибло 250 тысяч человек, в том числе в самом Новгороде 50 тысяч, из них 7650 монахов и 300 священников. И тогда Новгородский архиепископ Иона «в скорби велицей о смертоносной язве молящаяся Богу и Пресвятой Его Матери о избавлении и спасении града и бысть во ужасе велицей и слыша глас глаголющ. Сие иди со кресты со вселенским собором в Неровский конец во Зверин монастырь к Покрову Пресвятой Богородицы на скудельню. Явися у тоя церкви на

скудельни образ Святого праведного Симеона Богоприимца и постави храм единым днем». «И по сем видении» архиепископ Иона совершил крестный ход к явившейся иконе и, «приклонь колена», молил святого Симеона избавить город от язвы, весь еретический состав потребить и от скверн тех Церковь избавить» (Новгород. Историко-художественный музей-заповедник. Памятная доска в церкви Симеона Богоприимца). На месте явления иконы в Зверином монастыре новгородцы поставили храм святого Симеона Богоприимца, и мор прекратился.

Служба в церкви Сретения Нило-Сорского скита шла два раза в неделю. Монастырская рукопись начала XVII в. содержит правило всенощного бдения скита. В предисловии сказано, что оно установлено самим преподобным Нилом [24, 20 об. — 21]. По этому правилу стихиры храмовому празднику, т. е. Сретению (вторая скитская церковь во имя святого Ефрема Сирина была построена к концу XVI в.), пелись на каждой всенощной службе. В праздник Сретения, Похвалы Богородицы, в день святого Ефрема Сирина, каждую субботу от Пасхи до Троицы обязательно читался канон Сретению. Богословие стихир и канона Сретению сосредоточено на главном христианском догмате о Боговоплощении.

В сборниках XVI в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря мы находим известную «Беседу Кирилла Иерусалимского на Сретение Господне» [25, 318—320 об.]. В ней святитель говорит, что в день Сретения сокровенная до этого дня тайна Боговоплощения была открыта богоизбранному народу Израилю и всем языкам. При всей своей многозначности праздник Сретения имеет значение уверения в истинности Боговоплощения, подобно уверению Фомы в чуде Воскресения Христова. Церковное предание рассказывает, что когда-то, переводя Библию задолго до Рождества Христова, священник Симеон усомнился в словах пророка Исая о рождении Еммануила от Девы (Ис. 7, 14) [26, 72]. Он прожил 360 лет, ожидая исполнения пророчества.

В день Сретения, принимая на свои руки Младенца Христа, старец Симеон засвидетельствовал пред всеми, что Младенец, которого он держит в своих объятиях, — Сам Господь, единосущный и соотрисносущный Богу Отцу (толкование святого Кирилла Иерусалимского). «Услышите сия вси языцы (Пс. 48, 1), слушай Израиль. Тот, Которого я, твой священник Симеон, в объятиях ношу и великим гласом в храме народу проповедаю и свидетельствую, есть Господь Бог твой» [27, 26].

Стихира праздника Сретения (все стихиры цитируются по богослужебным сборникам XVI—XVII вв. из библиотек Нило-Сорского и Кирилло-Белозерского монастырей) утверждает, что в

Иерусалимский храм как Младенец приносится Господь, давший некогда Моисею скрижали Завета на горе Синай. «Днесь Симеон на руки Господа славы подъемлет. Его ж под мраком первни Моисей виде в горе Синайстей, скрижали дающа ему» [28, 1 об. — 2]. «Днесь же древле Моисеов в Синае закон подав, Сам является в храме, исполняя закон» [28, 1 об.]. Об этом отроке предвозвещали пророки Ветхого Завета Исаия, Иеремия, Аввакум, Давид.

Своей проповедью, как говорится в сретенской стихире, старец Симеон разрушил омрачение неверия в древние слова пророков и обличил «евреям неверные сердца» (слова стихир), возвещая грядущее распятие Спасителя и Его Воскресение.

Канон праздника Сретения раскрывает великий смысл догмата о Боговоплощении: «Сделавшись Младенцем, Создатель явил человеческое естество сообразным Божеству» [29, 38]. Стихира праздника утверждает, что Симеон проповедал «Божественное, которое соединилось с человеком» [28, 1 об.]. В своем толковании на праздник Сретения Кирилл Иерусалимский, как бы продолжая речь праведного Симеона, говорит: «Се — Тот, Который создал нас по образу Божию, ныне Сам сделался человеком по образу нашему, и есть человек, но вместе и Бог: будучи образ Господа Бога, ныне принял образ раба, не умалив достоинства Божества, но освятив смешение моего естества» [27, 27].

Богословие праздника Сретения не только утверждает истину, но и обличает ее противников. Святой Афанасий Великий в своем «Слове на Сретение» говорит, что Симеон Богонримец уже в день Сретения показал нечестие противников Церкви — еретиков Маркиона, Ария, Саввеля, Иестория [24, 327 об.]. В стихирах праздника слышны отзвуки той напряженной борьбы, которую вела Церковь за чистоту исповедания Богочеловечества Христа. Одна из сретенских стихир утверждает, что Господь явился миру «не мнением, не привидением, но истиною, чтобы Божественное соединилось с человеческим» [28, 2 об.]. Сретенская стихира призывает в повелительном наклонении «испытывать», т. е. изучать Божественные Писания, ибо в них мы обретаем истинное знание о Боговоплощении [28, 1 об.].

Всем, кто искал спасительного пути, преподобный Нил Сорский советовал именно испытывать Божественные Писания, для себя он видел в этом «живот и дыхание». Этот духовный совет старца Нила звучал особенно актуально на Руси XV в., когда повсюду от Новгорода до Москвы распространилось еретическое учение, считавшее Христа не Сыном Божиим, а простым человеком. «Како может Бог на землю снити и от Девы родитися, яко человек?» — говорили еретики, сея это сомнение рационального человеческого мышления [30,

158]. Отрицая Боговоплощение, они последовательно отрицали все христианское вероучение. Поэтому Собор Русской Церкви 1490 г. назвал их жидовствующими [31, 125]. Незнание Божественных Писаний, иногда даже среди священников, иконописцев, помогало ереси укорениться. В этой обстановке шатаний и сомнений в православии Нил Сорский посвящает свой скит Сретению Господню, обращая внимание своих современников на богословие праздника.

В 1502—1503 гг. известный иконописец Дионисий расписал храм Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. «Основная тема росписи, — как отметил Л. А. Успенский, — это утверждение православного вероучения против отклонений еретиков, перечисленных Собором 1490 г.: здесь подчеркивается Божество и человечество Спасителя, особое место занимает прославление Богоматери, святых и подчеркнуто значение Вселенских Соборов» [32, 219—220]. Дионисий работал в Ферапонтовом монастыре в то самое время, когда в десяти верстах от Ферапонтова, на реке Соре, жил преподобный Нил. Он не мог не прийти к старцу, известному своим духовным рассуждением и богомыслием. Вероятно, что в тематике и духовном тоне росписи собора сказалось это общение иконописца со старцем Нилом.

В напряженной духовной борьбе, которую вела Русская Церковь с ересью, виден и труд преподобного Нила. Три сборника житий составил преподобный Нил, живя на Соре. Он тщательно сверял разноречия в списках, устраняя ошибки, восстанавливая утраченное, насколько это было возможно. По сути, его работа явилась первой попыткой составления четий миней на весь год, но целенаправленного отбора. В этом отборе чувствуется стремление увидеть и показать традиции древнего подвижничества, примеры старчества, основные принципы жизни монашествующих, также примеры поступков в наиболее драматические моменты жизни Церкви. Представляют интерес и уточнения, которые вносит Нил Сорский в тексты житий святых. Везде, где речь идет об исповедании веры, Нил Сорский очень точен и обязательно вставляет определения этой веры как православной. Показательно сравнение житий, переписанных рукой преподобного Нила, с такими же житиями из Великих Четий Миней митрополита Макария.

В житии Симеона Столпника из Великих Четий Миней говорится: «Блажен, кто непрестанно верует в Бога» [33, 11].

В тексте этого же жития из сборника XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря сказано: «Блажен, кто верит в Бога и молится всякий день» [34, 5 об.].

В житии, отредактированном преподобным Нилом Сорским, этот совет Симеона Столпника

уточняется: «Блажен, кто верует в Бога православно и молится всякий день с прилежанием к Богу» [35, 7 об.].

Другой пример. В житии Саввы Освященного по списку митрополита Макария сказано, что святой Савва сеял единое исповедание веры во всех монастырях палестинской пустыни [36, 485]. В житии, переписанном Нилом Сорским, текст вновь уточняется — святой Савва жил правохерно, всех учил правохерию, поэтому во всех его монастырях было «единославное исповедание веры» [35, 316 об.]. Так, в одном предложении трижды сказано о православии Саввы Освященного.

Житие также рассказывает, что во время еретической смуты жители Иерусалима решительно подтвердили свою верность четырем Вселенским Соборам. В письме к византийскому императору Анастасию (491—518) они писали: «Если будет нужно, то кровь свою прольем об этом святом городе (т. е., Иерусалиме)».

На полях в рукописи житий преподобного Нила Сорского стоит поправка: о сей святой вере [36, 511], т. е. прольем свою кровь, защищая не город, а святую веру.

Переписывая житийные рассказы о борьбе с древними ересями, преподобный Нил Сорский имел непрестанно в виду и современную ему ересь. В древних житиях он находил ответы на вопросы своего времени, подкрепленные авторитетом святых отцов.

Ближайшей аналогией русских событий конца XV в. по внешним своим проявлениям было византийское иконоборчество (VIII—IX вв.). Об иконоборчестве рассказывают жития Феодора Студита, Иоанна Дамаскина, Иоанникия Великого из сборника преподобного Нила.

Ересь «жидовскаа мудрствующих» в России видимым образом проявилась в ругательстве над иконами и крестом. «Они запрещали поклоняться божественным иконам и честному Кресту, бросали иконы в нечистые места, некоторые иконы они кусали зубами, как бешеные псы, некоторые разбивали, некоторые бросали и говорили: надругаемся над этими иконами так, как жиды надругались над Христом» [5, 25] — так рассказывает о ереси «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого. Житие Феодора Студита повествует, что святой плакал о творящихся в его время кощунствах над иконами, удивляясь Божию долготерпению: иконы «овы безчестне на землю пометаху, овы же огню предаху, овех же калом помазовахом и многая зла творяху» [37, 150 об.]. Одинаковые проявления ересей должны были иметь и сходные причины.

«О причинах иконоборчества много спорили в науке. Одни видели в нем влияние мусульманского Востока с его запретом человеческих изоб-

ражений, попытку некоего человеческого компромисса с исламом, другие — первое восстание против Церкви идеи «секулярной» культуры, вдохновленной императорами, третьи, наконец, новый взрыв все того же эллинского спиритуализма» [38, 170].

Житие Феодора Студита по-своему отвечает на вопрос о причинах иконоборчества. Оно рассказывает, что царь Лев Исавр созвал церковный Собор, призывая Церковь к отречению от святых икон. Феодор Студит на Соборе обнаружил корни еретических заблуждений царя: «Откуда ти, о царю, сие умышление: ниоткуда точно от ветхого закона писании» [37, 144]. На Соборе царь много говорил против иконопочитания, ссылаясь на Ветхий Завет: «Горе доле ветхий завет обращаше и к сему притекаше. От оного пособие своему суесловию приемля... и словеса утверждающа». Он доказывал, что иконопочитание неправомерно, так как Господь в законе, данном Моисею, заповедал: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия». На эти измышления Феодор Студийский возражал царю: если уклоняться к Ветхому Закону, тогда надо и полностью исполнять его, т. е. «обрезываться и суботствовать». Между тем действие Ветхого Закона прекращено благодатию Нового. Ветхий был дан только на время одному народу иудейскому в едином месте. Место это разорено по «Господню речению» о Иерусалиме: «Не останется zde камень на камени иже не разорится». С разорением Иерусалима отошло и все ветхой службы делание» [37, 144 об.]. Ту же мысль в «Словах» о защите иконописания проводит и Иоанн Дамаскин. Ветхозаветный запрет делать «всякое подобие», на который прежде всего и ссылались иконоборцы, имел в понимании Дамаскина временное значение и силу, был воспитательной мерой для пресечения склонности иудеев к идолопоклонству. Но «в царстве благодати не весь закон сохраняет силу» [39, 251—252].

Тексты житий Феодора Студита и Иоанна Дамаскина звучали очень актуально в обстановке русских событий конца XV в. Соборное обвинение еретиков 1490 г. говорит, что они, ссылаясь на Ветхий Завет, не поклонялись святым иконам, «хуляще и ругающиеся: та суть дела рук человеческих, уста имут и не глаголют и прочее, подобие им да будут творящими и вси надеющиеся на ня» [30, 158]. Таким образом, древние жития обличали и опровергали учения еретиков.

В свои сборники преподобный Нил включил в числе других жития Феодосия Великого, Евфимия Великого, Саввы Освященного. Эти жития признаются историками ценными источниками по истории ересей [См.: 32, 87; 40]. Они рассказывают о борьбе Церкви за Халкидонский догмат о Богочеловечестве Христа.

«Правомудрствуя и святым отцам последуя», Евфимий Великий противостоял «жидомудренному» Несторию, как повествует житие [41, 170 об.]. Константинопольский патриарх Несторий, пользуясь покровительством императора, повсюду распространял еретическое учение, умалявшее Божественную природу Христа. Несториане разделяли во Христе Божество и человечество. Они учили, что Дева Мария родила не Бога, а только человека Иисуса, который через нантие Святого Духа стал Христом, и Слово Божие пребывало с ним в особом, или относительном, соединении. Ересь была осуждена на Эфесском и Халкидонском (428 и 431 гг.) Соборах, но последствия ее сказывались еще долгое время, сопровождаемая расколами и разделениями Церквей. В житии Евфимия Великого описано, как не признал Халкидонский догмат и впал в ересь Иерусалимский патриарх Феодосий. В правоверии сохранилась только паства, окормляемая святым Евфимием. Патриарх послал к святому игуменов монастырей, пытаясь привлечь его на свою сторону, «тщашеся и сию оставленную в пустыни живую искру угасити». Евфимий Великий повелел братии не общаться с патриархом и отойти в дальнюю пустыню, уча их «вельми уклоняться от ереси» [41, 172 об.].

Житие святого обличает шесть основных ересей: манихейскую, оригенскую, арианскую, савеллианскую, несторианскую, монофизитскую, подробно останавливаясь на их учениях, — и в заключение приводит православный символ веры. Пример поступка истинного исповедника веры показывает житие Феодосия Великого. Во времена еретических нападенний, пишет житие, кроткий становился «сварительным». Феодосий Великий приходит в храм во время проповеди и «рукою молчание народу назнаменовав и глас воздвиг рече, аще кто четыре святых соборы равно четырем евангелиям не вменяет, да будет анафема» [41, 50]. Житие подробно излагает постановления четырех Вселенских Соборов и учит твердому исповеданию православной веры: «Сим святым собором и мы последуем... и аще кая лютая тмами наводняется, мы никако ж благочестия николиж предати восхощем» [41, 52 об.]. Житие Саввы Освященного рассказывает о еретической монофизитской смуте, наступившей в Церкви после Халкидонского Собора. Ересь Евтихия (монофизитов) осудил Вселенский Собор за умаление человеческой природы Христа. Тем не менее монофизиты нашли себе много сторонников в монастырях Египта, Сирии, Палестины. Ересь вновь привела к расколам Церквей. Особенно драматичным стало время правления императора Анастасия (491—518 гг.), который открыто поддерживал монофизитов. При нем патриархи Константинополя и Александрии были еретиками. В 512 г. на Антиохийскую кафедру им-

ператор возвел главного монофизитского богослова Севира Антиохийского, который на Соборе в Тире (518 г.) осудил Халкидонский Собор. Житие Саввы Освященного рассказывает, что угроза смещения и расправы нависла над православным Иерусалимским архиепископом Илней. Тогда «на поможение святей церкви и православной вере... в беде сущей» пошел святой Савва. В худых ризах он приходит к царю Анастасию и перед царем обличает еретиков. Правоверная же Церковь, говорит святой Савва, средним путем ходит и не уклоняется ни направо, ни налево. Когда царь попытался все-таки силой сместить архиепископа Илню, то все монахи из монастырей Саввы Освященного и Феодосия Великого в одну ночь собрались в Иерусалиме, в церкви первомученика Стефана. На амвон вышли святые Савва и Феодосий и прокляли еретиков, а Соборы прославили и оправдали. И весь народ был с ними единомыслен. Так жители Иерусалима удержали веру правую и непоколебимо сохранили под твердым водительством святых». Заключение письма жителей Иерусалима к Анастасию звучало надеждой и для русских читателей конца XV в.: «Мир же Божий превосходяй всяк ум да сохранит свою церковь и оставит пакость ей творящих, повелением твоего державства в славу свою и похвалу твоего державного царства» [35, 345 об.].

«Житие святого Саввы» повествует и о таком случае из жития святого. Неподалеку от лавры святого Саввы еретики-несториане составили монастырь. Святому было видение, как во время литургии после всеобщего воскресения некие мужи жезлами изгоняли еретичествовавших монахов. Святой Савва молился о них, дабы они были прощены. На что услышал ответ: «Недостойно есть им zde быти, жидове бо суть. Не исповедающе истинного Бога Господа нашего Иисуса Христа и Богородицу». Милосердствуя о заблудших, святой Савва часто приходил в монастырь несториан, моля их обратиться к правой вере. Молитвы святого возымели успех, еретики прокляли учение Нестория и приобщились к Апостольской Церкви [См.: 35, 318 об.]. Единственный раз житие дает пример молитвы за еретиков — но за заблудших и впоследствии искренне покаявшихся. Основная же тема житий — верность православию даже до смерти.

Сборники житий, составленные Нилом Сорским, поправки и уточнения, которые он внес в их тексты, также само посвящение Нило-Сорского скита совершенно определенно свидетельствуют о взглядах преподобного Нила на современную ему ересь. Думается, что основным способом борьбы с ересью Нил Сорский считал духовное просвещение — знание Божественных Писаний, догматов и церковной истории. Знание утвержда-

ет в вере и уничтожает самый корень ереси — сомнение. В обстановке еретических «шатаний и сомнений» XVI в. агиографические сборники Нила Сорского сыграли значительную роль в духовном просвещении русского монашества. Их значение оценили уже современники. Жития редакции преподобного Нила переписали в Кирилло-Белозерском, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском монастырях. В монастырских рукописях XVI—

XVII вв. часто встречается такая оценка писаний и трудов Нила Сорского: старец Нил был истинным пастырем, оберегающим своих овец от расхищения зверей, «сего ради (он) вкратце собрав от божественных писаний о истенней православней вере и о делных заветах преда нам написано. Вникающе же со страхом Божиим преданию его благодатию Христовою не погрешим от истинныя веры» [13, 52; 42, 116 об.].

Литература

1. *Анхимюк Ю. В.* «Слово на списание Иосифа» — памятник раннего нестяжания // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1990.
2. *Панов И.* Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877. Февраль.
3. *Николаевский П. Ф.* Русская проповедь в XV—XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 4.
4. *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения // ЧОИДР. 1881. Кн. 1.
5. Преподобный Иосиф Волоцкий // Просветитель. М., 1992.
6. О ереси жидовствующих // ЧОИДР. 1902. Т. 3.
7. *Тихомиров Н. С.* Сочинения. М. 1898. Т. 1.
8. *Lilienfeld F. fon.* Die «Heresie» des Fedor Kricyn // ForschVngenzVrosteVropaischen Geschichte. 1978. Bd. 24.
9. *Зиновий Отенский.* Истины показания к вопросившим о новомученики. Казань, 1863.
10. ЧОИДР. 1847. Т. 8.
11. *Пытин А. Н.* Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вестник Европы. 1894. № 6.
12. Летопись Татищева // ЧОИДР. 1847. Т. 4.
13. *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский.
14. *Боровкова-Майкова М. С.* К литературной деятельности Нила Сорского // ПДПИ. СПб., 1911. Т. 117.
15. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990.
16. *Лурье Л. С.* К вопросу об идеологии Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13.
17. *Лурье Л. С.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего нисифлянства // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12.
18. *Клибанов А. И.* <название книги — ? выходные данные — ?>
19. РНБ. Собр. Погодина, 177.
20. ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.
21. *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894.
22. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб. Т. 1., 1890; Т. 2, 1892.
23. *Дударев П.* История праздника Сретения Господня. Новочеркасск, 1905.
24. ГПБ. Соф. собр., 1519.
25. ГПБ. Соф. собр., 1419.
26. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. М., <год?> Т. 1.
27. Избранные слова и беседы святых отцов и учителей Церкви на важнейшие праздники церковные. М., 1874.
28. ГПБ. Кир.-Бел., 550/807.
29. Богослужебные каноны на славянском и русском языках, изданные Е. Ловягиным. СПб., 1861.
30. ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4.
31. Смирненного Зосимы митрополита всеа Руси и всего священного собора поучение всему православному христианству. На еретики обличение // ЧОИДР. М., 1902. Т. 3.
32. *Успенский Л. А.* Богословные иконы Православной Церкви. М., 1989.
33. Великие Минен Четин. СПб., 1868. Сентябрь, дни 1—13.
34. ГПБ. Кир.-Бел., 16/1255.
35. ГПБ. Кир.-Бел., 23/1262.
36. Великие Минен Четин. М., 1901. Декабрь, дни 1—5.
37. РГБ. Троиц., 684.
38. *Шмемман А.* Исторический путь православия. М., 1993.
39. *Флоровский Г. В.* Восточные отцы V—VIII вв. М., 1992.
40. *Олтаржевский Феодосий,* иеромонах. Палестинское монашество с IV до VI в. // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Т. XV, вып. 2.
41. РГБ. Волок., 630.
42. ГИМ. Щук., 212.